

Чжао Фу всё так же не мог проводить утренние аудиенции, поэтому обязанность принять послов Государства Ляо вновь легла на плечи Министра ритуалов Мэн Лана. К счастью, на этот раз Император Ляо не отправил вместе с ними принцев, да и трёх принцев Великой Сун не было в столице, так что им не пришлось спешно возвращаться для встречи ляоских послов. Тан Шэнь вполне закономерно был прикомандирован Чжао Фу к посольской группе, в то время как Су Вэньюнь, успевший в своё время примелькаться в Ляо, в день прибытия послов сказался больным и больше не выходил из дома.

На этот раз ляоские послы вели себя ещё более разнузданно и вызывающе, чем год назад.

Год назад Государство Ляо, полагаясь на мощь своего войска, само напало на город Ючжоу, но свалило вину на Великую Сун. Тогда их притязания не имели под собой законных оснований. Теперь же у них появился весомый повод: происшествие с Принцессой Аньдин привело Императора Ляо в ярость. Едва увидев Мэн Лана, послы гневно выкрикнули:

— Так-то вы, сунцы, приносите извинения?! Неудивительно, что ваша принцесса оказалась столь распутна и нечестива! Поступки сунцев вызывают лишь презрение!

Каждый из сунских чиновников, услышав это, с трудом сдерживал гнев и возмущение, однако ляоские послы вели себя настолько нагло, что даже Мэн Лан ничего не мог с ними поделать.

Мэн Лан изо всех сил пытался утихомирить ляоских послов, выжидая, пока священное здравие Чжао Фу поправится, чтобы засвидетельствовать ему почтение и спросить, как вести себя далее.

Проводив в тот день ругающихся послов, Мэн Лан вернулся во Дворец Циньчжэн и со вздохом произнёс:

— И что же нам теперь делать?!

Шедший следом за ним Тан Шэнь мог лишь опустить голову, испытывая глубокое бессилие.

На следующий день, едва у Тан Шэня выдалась свободная минута, он вместе с Мэн Ланом отправился на подворье, чтобы встретиться с ляоскими послами.

В составе этого посольства не было Елюй Циня — его заменял другой чиновник южного управления, высокий и худой, по имени Сяо Чжан. Сяо Чжан сыпал бранью в адрес Мэн Лана, ни во что не ставя этого сановника второго ранга. Мэн Лан уже давно с трудом сдерживал гнев, и когда Сяо Чжан снова начал сыпать обвинениями, министр слегка улыбнулся, сложил руки в приветствии и спросил:

— Позвольте спросить вас, посол: где же сейчас находится Принцесса Аньдин нашей Великой Сун?

Сяо Чжан опешил, но ответил:

— Эту осквернившую гарем принцессу наш Император Великого Ляо, разумеется, уже забил до смерти и выбросил прочь из дворца!

Мэн Лан сделал шаг вперёд и гневно произнёс:

— Разве кто-либо вправе самовольно распоряжаться судьбой принцессы нашей Великой Сун?! Даже если она вышла замуж в Ляо и совершила тяжкое преступление, передать это дело

следовало Приказу наказаний нашей Великой Сун! В конце концов, почему нам не предъявили её телесные останки? Ни живой её не видать, ни мёртвого тела! Одной фразой Императора Ляо про «распутство в гареме» вы пытаетесь замять дело. Где это видано, чтобы в поднебесной творился такой произвол?!

— Ты...! — выкрикнул Сяо Чжан.

— На этом я откланяюсь. Надеюсь, завтра господин посол изволит изложить всё подробнее, — произнёс Мэн Лан и, взмахнув рукавами, удалился.

Сунские чиновники тоже проследовали за Мэн Ланом прочь из подворья. Напоследок они одарили ляоских послов свирепыми взглядами, дав хоть немного выхода накопившейся злости.

Тан Шэнь изобразил то же выражение лица, словно отведя душу, и обвёл взглядом полтора десятка ляоских послов на подворье. Внезапно его взор на мгновение задержался на молодом мужчине, стоявшем за спиной Сяо Чжана. Едва Мэн Лан гордо удалился, Сяо Чжан наклонился и стал что-то шептать тому юноше на ухо.

В этом не было ничего необычного, однако Тан Шэню показалось, будто Сяо Чжан спрашивает у того человека совета.

Сцена казалась чрезвычайно знакомой. Вернувшись домой, Тан Шэнь долго размышлял над этим, как вдруг его озарило.

Полгода назад, когда он тайно ездил в Ляо, Цяо Цзю разговаривал с ним точно так же!

У Тан Шэня тут же возникло подозрение. Под покровом ночи он тайно пробрался в усадьбу Су Вэньюня. Увидев его, Су Вэньюнь первым делом подшутил:

— То, что господин Тан пожаловал в мою скромную обитель, воистину приносит ей небывалую честь! Что же заставило ваше превосходительство заглянуть ко мне?

Тан Шэнь без лишних прелюдий выложил всё о молодом человеке, замеченном им на подворье, и поделился своими догадками.

Лицо Су Вэньюня изменилось. Задумавшись на мгновение, он спросил:

— В Ляо почти нет молодых высокопоставленных чиновников. Посол Сяо Чжан в Ляо уже считается вельможей третьего ранга, а те, у кого чин выше, старше тридцати лет. Этот человек точно не ляоский чиновник.

Они переглянулись.

— Который же из принцев? — спросил Тан Шэнь.

— Опиши его внешность, — ответил Су Вэньюнь.

— Кожа белая, лицо утончённое, он вовсе не похож на прочих свирепых и крепких ляоских чиновников, скорее напоминает учёных мужей нашей Великой Сун. Однако от него веет мрачностью, а меж бровей затаилась жестокость, которую не удалось полностью скрыть. Наверняка на его руках немало крови.

Су Вэньюнь на мгновение замешкался, а затем усмехнулся:

— Восемь из десяти, что этот человек — Второй принц Елюй Шэгэ!

— Зачем он прибыл сюда? — быстро спросил Тан Шэнь.

Су Вэньюнь погрузился в раздумья, а затем поднял голову и спросил:

— Ты говорил ранее, что ляоские послы прибыли в столицу предъявить обвинения Великой Сун за отправку Принцессы Аньдин в Ляо. Но помимо этого, выставляли ли они иные требования?

— Не более чем уступка земель и выплаты. Отдать земли, разумеется, невозможно, а насчёт выплат пока ведутся переговоры. Кроме того... — Тан Шэнь запнулся и продолжил: — Государство Ляо желает взять в жёны ещё одну принцессу!

Неужели тайный визит Елюй Шэгэ в Шэнцзин связан с принцессой, которую желает взять в жёны Император Ляо?

Тан Шэнь не мог этого понять, сколько ни бился над этой загадкой, да и Су Вэньюнь тоже терялся в догадках.

Перед тем как Тан Шэнь собрался уходить, Су Вэньюнь проговорил:

— Кстати, господин Тан, неужели господин Мэн сегодня на подворье проявил такую небывалую твёрдость и больше не боится ляоских послов?

Тан Шэнь вздрогнул. Ведь во время беседы он ни словом не упомянул о произошедшем сегодня на подворье.

Тан Шэнь промолчал, но Су Вэньюнь по его выражению лица уже понял ответ. С презрительной ухмылкой он спросил:

— И тебе даже не любопытно почему?

— Почему? — спросил Тан Шэнь.

— Год назад у Мэн Лана внезапно прибавилось смелости оттого, что кое-кто тайно вернулся в Шэнцзин и встал у него за спиной. А теперь из-за чего ещё? — Су Вэньюнь хмыкнул. — Кое-кто снова потихоньку возвратился.

На следующий день среди чиновников, принимавших ляоских послов, Тан Шэнь увидел Ли Цзиндэ.

Ли Цзиндэ снова сбрил свою пышную бороду и, облачённый в одеяния гражданского чиновника, прятался за спиной Мэн Лана. Заметив Тан Шэня, он подал ему знак глазами, но не стал специально вступать с ним в разговор.

Тан Шэнь мысленно вздохнул: «Поглядите-ка на этого Ли Цзиндэ, у него теперь тоже прорезались свои хитрости!» Всё равно быть использованным Тан Шэнем или Мэн Ланом — один исход. Вот только министра Мэна он в любой момент мог засунуть в мешок и оттузить, а вот Тан Шэня так отколотить не мог. Посему на этот раз он напрямую обратился к Мэн Лану, не стал действовать через Тан Шэня.

В тот день послы обеих сторон снова разошлись ни с чем.

Закончив службу, Тан Шэнь снова направился в усадьбу Су Вэньюня. На этот раз он заметил и

запомнил особые приметы того молодого ляоского чиновника:

— У него очень тонкие мочки ушей, левый глаз чуть больше правого, а на правой щеке небольшая родинка.

Су Вэньюнь косо взглянул на него:

— Это господин Тан наделён феноменальной памятью, а у меня таковой нет.

Иными словами, он видел этого Елюй Шэгэ лишь однажды в управе Сицзинь, откуда ему помнить всё так детально?

Тан Шэнь и сам понял, что его поступок был не до конца продуман. Он как раз размышлял о том, как бы подтвердить, действительно ли тот человек — Елюй Шэгэ, и стоит ли рисковать, устраивая Су Вэньюню встречу с ним, как вдруг Су Вэньюнь с ухмылкой произнёс:

— Впрочем, у этого Елюй Шэгэ на правой щеке и впрямь есть маленькая родинка.

Тан Шэнь изумлённо спросил:

— Разве господин Су только что не утверждал, что не обладает феноменальной памятью?

Су Вэньюнь с полной уверенностью возразил:

— И что с того? Я действительно не помню всего до мелочей, но разве это мешает мне помнить родинку на лице Елюй Шэгэ?

Тан Шэнь:

— ...

«Ну и язвительный же человек!»

Теперь, когда подлинность личности Елюй Шэгэ была подтверждена, у Тан Шэня в сложившейся ситуации созрел план.

Тан Шэнь с глазу на глаз встретился с Ли Цзиндэ и прямо заявил:

— Среди ляоских послов один человек — Второй принц Елюй Шэгэ из Государства Ляо.

Ли Цзиндэ поразился и, поглаживая гладко выбритый подбородок, спросил:

— Правда?

— Правда. Однако ваш покорный слуга хотел бы сперва спросить: с какой целью вы вернулись в Шэнцзин?

Ли Цзиндэ ненадолго замолчал, а затем ответил:

— То, ради чего я вернулся в Шэнцзин, на самом деле никак не связано с прибытием ляоских послов. Это дело тебя не касается, господин Тан, можешь не расспрашивать. Просто так совпало, что я столкнулся с этими бесстыжими ляоскими чинушами, вот и решил задержаться на несколько дней. Как только эти мерзавцы уберутся восвояси, я вернусь в Ючжоу.

Ли Цзиндэ вернулся в столицу по какому-то иному делу?

Тан Шэнь на мгновение усомнился, а затем поклонился и произнёс:

— Судя по вашим словам, вы уже завершили то, ради чего приехали, и остаётесь в Шэнцзине лишь из-за этих ляоских послов. Если так, то у вашего покорного слуги есть один замысел...

В ту же ночь Тан Шэнь тайно проник во дворец и во Дворце Фунин испросил аудиенции у императора.

<http://bllate.org/book/18292/1757453>